

УДК 008 : 398 (470.621)

ББК 71.04 (2 Рос. Ады)

С 59

Соколова А.Н.

Доктор искусствоведения, профессор кафедры теории, истории музыки и методики музыкального воспитания Института искусств Адыгейского государственного университета, e-mail: allasok@adygnet.ru

Нартиада в контексте современной культуры региона *(Рецензирована)*

Аннотация:

Рассматривается функционирование нартского эпического наследия народов Кавказа в современной культуре региона. Дается социокультурная трактовка понятия «нартиада», определяющая различные социальные практики, тем или иным образом связанные с нартскими сказаниями в их первоначальной устной и вариативной формах. Основная цель – показать пути и вскрыть механизмы сохранения нартского эпоса в культурной памяти кавказских этносов и социальной практике региона. С привлечением многочисленных примеров, полученных в процессе длительного наблюдения за развитием этнокультур на Северном Кавказе, делаются выводы об особом свойстве исторической памяти, сохранившей в массовом сознании немало нартских сюжетов и героев. Механизмами и формами сохранения Нартиады определены ономастикон и топонимика, существенный и мощный художественно-эстетический кластер (изобразительное, декоративно-прикладное, музыкально-инструментальное, музыкально-хореографическое, литературно-поэтическое искусство и др.), образовательно-воспитательные, культурно-массовые формы, а также формы научно-методической, организационно-методической и научно-популяризаторской работы. Нартский эпос продолжает существовать в культурном пространстве региона как в аутентичном, то есть естественно-онтологическом варианте, так и в виде регулируемого властью целеполагающего процесса. Значимость проведенного исследования определяется выявлением скрытых интертекстуальных связей между аутентичными и современными культурными практиками, содействующими будущему Нартиады как фольклорного продукта, так и Нартиады социокультурной.

Ключевые слова:

Нартиада, нартский эпос, Кавказ, адыги, механизмы сохранения эпоса, культурная память, традиционная культура.

Sokolova A.N.

Doctor of Art Criticism, Professor of the Department of the Theory and History of Music and Technique of Musical Education of Institute of Arts, Adyghe State University, e-mail: allasok@adygnet.ru

Nartiada in the context of modern culture of the region

Abstract:

The paper examines the functioning of the Nart epic heritage of the people of the

Caucasus in modern culture of the region. The sociocultural interpretation of the concept «Nartiada» is given. This concept defines various social practices related in one or another way to the Nart legends in their primitive oral and variable forms. The main objective of the paper is to show ways and to disclose mechanisms of saving the Nart epos in cultural memory of the Caucasian ethnoses and in social practice of the region. On the basis of the numerous examples obtained in the course of long supervision over development of ethnocultures in the North Caucasus, conclusions are drawn about special property of the historical memory which kept a lot of Nart plots and heroes in mass consciousness. Mechanisms and forms of preservation of Nartiada are the onomasticon and toponymics, an essential and large artistic esthetic cluster (fine arts, arts and crafts, instrumental music, choreographic music, literature, poetry, etc.), educational, cultural and mass forms, as well as forms of scientific, methodical, organizational and scientific promotional work. The Nart epos continues to exist in cultural space of the region both in authentic, i.e. natural ontological version, and in the form of the aimed process regulated by the power. The importance of the conducted research is defined by identification of the relationships hidden between the authentic and modern cultural practices promoting Nartiada's future both as a folklore product and the sociocultural Nartiada.

Keywords:

Nartiada, Nart epos, the Caucasus, Adyghe, mechanisms of saving the epos, cultural memory, traditional culture.

Понятие «нартиада» обычно трактуется как антология нартских текстов, изучаемых специалистами-гуманитариями. Одновременно термин обозначает культурное наследие народов Кавказа, включающее систему древнейших верований, художественные, нравственные и идеологические ценности. В социокультурной парадигме под Нартиадой понимаются различные социальные практики, тем или иным образом связанные с нартскими сказаниями в их первоизданной устной и вариативной формах. В этом расширенном понимании к Нартиаде могут быть причислены как сами тексты (устные и письменные), так и их научные трактовки и интерпретации. Одновременно в пространство Нартиады включены вопросы ономастики, образования и воспитания, организации культурно-спортивных, массовых, художественно-развлекательных, научно-организационных и других мероприятий, нацеленных на сохранение и воспроизведение нартских сюжетов и образов и их встраивание в современную жизнь.

В отечественной науке постоянно дискутируются вопросы о происхожде-

нии нартского эпоса, путях его развития, степени и формах заимствования или взаимодействия у различных народов Кавказа. Например только последнее издание в 1000 страниц, изобилующее цитатами, комментариями к этим цитатам, включающее анализ самых различных версий о происхождении и развитии эпического населения народов Кавказа – монография М.Ч. Джуртубаева «Происхождение нартского эпоса», выпущенная в Нальчике в 2013 году [1]. Бесспорно, что до настоящего времени нартский эпос существует у адыгов, абхазов, балкарцев, карачаевцев, осетин, вайнахов, фрагментарно зафиксирован у сванов, рачинцев, кумыков, лакцев и аварцев. Некоторые ученые (В.И. Абаев) ядром Нартиады считают осетинскую версию – она самая полная и последовательная. В то же время, по мнению В. Абаева, «контакты с некоторыми европейскими, тюрко-монгольскими и кавказскими народами оставили в осетинском эпосе достаточно явственные следы» [2]. Ученые указывают на близость сюжетов и мотивов нартских сказаний, зафиксированных у разных этносов,

но по-разному трактуют ее – как результат заимствования одним народом у другого или как формирование тех или иных версий на основе некоего мифологического пракавказского субстрата.

Нартский эпос по сей день остается кладезем народной мудрости и одновременно загадкой для ученых. Философы, культурологи, фольклористы, филологи, этнологи, историки, этномузыкологи продолжают изучать Нартиаду и обращаются к ней как к одному из самых древних и достоверных источников этнической философии.

В 2001 году в Адыгейском республиканском институте гуманитарных исследований был создан первый и на то время единственный в мире отдел нартоведения. Долгое время отделом заведовал его создатель А.М. Гадагатль, потом главой подразделения стал Асфар Кук. Через 10 лет после открытия отдел ликвидировали.

Наиболее известным научным событием в адыгском нартоведении стало семитомное издание адыгского героического эпоса «Нартхэр» (систематизация, составление, вступительный очерк и комментарии А. М. Гадагатля), созданное еще при советской власти в 1971 году [3].

В 2011 году Центр нартоведения появился в Абхазском государственном университете (директор Центра – доктор филологических наук, профессор, академик Абхазской академии наук Джапуа З.Д.). Его полное название – Учебно-научный Центр нартоведения при Абхазском государственном университете. В нем планомерно собираются тексты для подготовки многотомного издания абхазского нартского эпоса, фольклорные материалы студенческих практик Абхазского государственного университета и материалы экспедиций, собранные у многочисленной абхазской диаспоры в Турции.

Приоритетными направлениями Центра были определены научная публикация текстов абхазского нартского эпоса – полное собрание сказаний на языке оригинала, двуязычное академиче-

ское издание в серии «Эпос народов Европы и Азии» и т.д.; регулярное проведение фольклорно-этнографических экспедиций в районах Абхазии и у зарубежных абхазов; расшифровка и архивное упорядочение полевых материалов, создание электронной базы данных по фонотеке Центра; подготовка и издание фольклорно-этнографических текстов; внедрение полученных результатов в учебный процесс, координация научных исследований в области нартоведения и других актуальных вопросов фольклористики, осуществляемых на Кавказе и за его пределами.

Нартский эпос интересен ученым разных специальностей, и многие из них продолжают изучать эпос не в стенах библиотек и архивных кабинетов, а «в поле», т.е. в естественной среде, у носителей традиционной культуры. Так было и в советский период, и продолжается сейчас. Более того, после развала СССР у многих народов Кавказа наблюдается всплеск интереса к этнической культуре, фольклору и, в том числе, к нартским сказаниям. К примеру, в Адыгее в начале 90-х годов XX века нартские песни со сцены стали петь артисты ансамбля «Исламей». И хотя это были эстрадные обработки музыкальных версий эпических сказаний, они также способствовали популяризации Нартиады и возрождению интереса к эпическим героям и сюжетам. Чуть позже благодаря усилиям Замудина Гучева появился фольклорный ансамбль «Жъыу», специально подготовивший программу из нартских песен и представлявший ее как в России, так и перед адыгами Турции. Песни, записанные на CD, позволили представить самые популярные нартские сюжеты большой слушательской аудитории. Адыгская Нартиада с каждым годом обрастает и новыми исполнителями, и новыми слушателями. Нартские песни запели школьники, в аулах вначале появились энтузиасты-одиночки, исполняющие сказания под аккомпанемент *шычепицына* (адыгской скрипки), за-

тем возникли небольшие группы, представляющие традиционный вариант песен, где солист поет в сопровождении группы подпевающих *жъыу*.

Нартиада для многих народов Кавказа – это не только прошлое, но и живое настоящее культуры, развивающееся как по имманентным закономерностям, не всегда понятным при первом приближении, так и внешним причинам, чаще рациональным и идеологически выстроенным. Нартиада – это мощный идентификационный источник различных этносов Кавказа и одновременно маркер отдельного этноса, ибо для каждого из них есть наиболее любимые герои и отличительные в деталях или по сути события. В доказательство проанализируем современную культурную ситуацию в избранном ракурсе в Адыгее.

Нартский эпос питает творчество художников. Обращение к его сюжетам и образам – это апеллирование к глубинным формам сознания, формирование чувства защищенности народной мудростью, гордость за деяния предков, оставивших в наследство богатейший фольклорный памятник.

Художники Адыгеи используют нартские образы в самых различных видах декоративно-прикладного искусства: при изготовлении гобеленов (М.А. Гогунков, серия нетканых гобеленов «Нарты»; Г.А. Абредж, гобелен «Сатанай-цветок»); чеканного панно (Т.М. Кат «Рождение Саусырыко»); витражей (Д.М. Меретуков, витраж «Нарты»); при создании мозаичного панно (Ф.М. Петуваши и Б.А. Неклюдов, мозаичное монументальное панно в фойе Адыгейской государственной филармонии «Огонь Саусырыко») и др.

Большую известность в регионе имеют графическая нартская серия и серии коллажей Ф.М. Петуваши «Герои нартского эпоса Псыгуаще и Мэзитха». Композиторы используют нартскую тематику в пьесах для начинающих музыкантов (А. Нехай «Четыре нартские мело-

дии для фортепиано», Ч. Анзароков «Старая крепость» из детского фортепианного цикла «Сонный мальчишка») и как философское прочтение жизни адыгского этноса (А. Нехай «Нартская симфония» – название программы ансамбля «Исламей»).

Именами персонажей нартского эпоса в конце XX века активно стали называть новорожденных – от обобщенного мужского имени Нарт (в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии) и богатырей Сослана, Батраза, Урузмага, Ахсара (в Осетии) до лирических женских Акуанда, Адыиф, Адиюх, Дзерасса и др. Эти же имена присваиваются частным компаниям, предприятиям и коллективам: плавательный бассейн Адыгейского государственного университета «Акуанда», Адыгейский республиканский гандбольный клуб «Адыиф», ансамбль народного танца Адыгейского государственного университета «Нарт», кафе «Нарт» в Майкопе, ресторан «Нарт» в Нальчике и Владикавказе, пансионат «Нарт» в Абхазии (г. Гагра), ресторан «Сосруко» в Нальчике, крестьянское (фермерское) хозяйство «Сосруко» в Карачаево-Черкесии, компания «ФИР-МА «Сосруко-А»» по производству одежды, обработке меха в Нальчике, компания «Сосруко» по техническому обслуживанию и ремонту автотранспорта в Сочи, гостинично-оздоровительный комплекс «Адиюх-Пэлас» в ауле Хабез (Карачаево-Черкесия) и т.д. Сухумская команда КВН называется «Нарты из Абхазии», во Владикавказе существует конно-драматический театр «Нарты». В Гагре (Абхазия) есть проспект нартов, а в Кабардино-Балкарском селении Адиюх многие улицы носят имена нартских персонажей.

Предприниматели, выходцы из Кавказа, используют нартский ономастикон для названий своих предприятий во всей России, встраивая эпические образы нартских богатырей в инокультурную среду: продовольственный магазин «Нарт» во Владимире, студия «Нарт-Мастерская» в Москве, Невская овощная

база ЗАО «Нарт» в Санкт-Петербурге, студия кавказских танцев «Нарт» в Краснодаре и т.д. Эти и подобные им явления предстают достаточно мощными механизмами поддержания интереса к кавказской мифологии и ее героям. При этом производимая продукция или предлагаемые услуги могут вообще не координировать с названием предприятия или учреждения. Зачастую название остается маркером этнической принадлежности владельца предприятия, но при этом происходит продвижение фольклорного бренда и налицо историческая память, позволяющая гордиться деяниями предков.

Активное изучение нартского эпоса происходит в школах республик Северного Кавказа (Адыгея, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия Алания-Северная Осетия и др.), где дети разучивают и ставят сценки из нартских сказаний, поют песни, рисуют легендарных героев, шьют специальные костюмы и т.п. Воспитательная и образовательная работа, связанная с распространением знаний о нартском эпосе, организована в общеобразовательных школах региона. Достаточно назвать, например, городской фестиваль-конкурс «Нартиада 2014», регулярно проводимый в Нальчике в рамках международного проекта «Сокровище нартов» и включающий различные номинации (декоративно-прикладное искусство, хореографическое искусство, изобразительное искусство, нартские наигрыши на народных инструментах, народное пение, эстрадное пение, эссе, медиа-арт).

В профессиональных танцевальных коллективах Адыгеи разыгрываются нартские игрища и баталии, иллюстрируются наиболее яркие сцены эпических картин. Иногда нартским именем называют спортивные соревнования (например, соревнования «Нартиада» в стиле квест между факультетами Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева в апреле 2015 года).

Представители черкесской диаспоры

в Турции в течение нескольких десятилетий выпускают журнал «Nart», в котором отражена культурная жизнь мухаджиров [4].

Свою роль в поддержании и развитии знания о Нартиаде играют ученые разных специальностей, особенно филологи, лингвисты, фольклористы, этнологи, историки, философы, этномузыкологи и др. Отдельные работы направлены на изучение художественно-стилевых особенностей нартского эпоса и его вариантов, другие носят познавательный-популяризаторский характер, третьи имеют антологическую направленность [5, 6, 7].

Началом научного изучения Нартиады принято считать 1809 год, когда появилась первая информация Юлиуса Клапрота о существовании Нартиады у кавказских горцев. Нартский эпос у адыгов впервые фиксирует Джеймс Белл (1838), у осетин – академик А.М. Шёгрэн (1840). Свою хронологию имеют публикации нартских текстов: 1868 год – первая публикация осетинской версии эпоса А. Шифнером (сбор текстов выполнили Д. Чонкадзе и В. Цораев); 1881 год – публикация С.-А. Урусбиева на русском языке четырех нартских сказаний карачаевцев и балкарцев. 1897 год – публикация в 40-м томе словаря Брокгауза и Ефрона статьи «Нартские богатыри» (с.864). 1890 год – сведения о нартских сказаниях в Абхазии публикуют А. Иоакимов и Н. М. Альбов.

Свою историю имеют научные мероприятия, посвященные Нартиаде. В 1958 году на Всесоюзном совещании, инициированном Институтом мировой литературы, для углубленного исследования эпоса были выработаны и утверждены принципы академических изданий и принято решение начать издание серии «Эпос народов СССР». В 1969 году вышел в свет сборник трудов исследователей «Сказание о нартах – эпос народов Кавказа», ставший для многих исследователей отправной точкой для новых открытий. Востребованностью в обмене научной информацией и интересом к содержанию и формам сохран-

ности эпоса можно объяснить регулярно проводимые научные конференции, посвященные Нартиаде. Одна из первых состоялась в Осетии. Затем конференции организовывались примерно один раз в 5-7 лет, а в России такие мероприятия разного масштаба и уровня проходят постоянно: 1956 год – Орджоникидзе, 1963 год – Сухуми, 1972 год – Тбилиси, 1974 год – Черкесск, 1992 год – Майкоп, 1992 год – Сухуми, 2000 год – Нальчик и др. Самые последние мероприятия, связанные с эпическими традициями, прошли в Кисловодске и Черкесске (2014).

Все перечисленное позволяет говорить о том, что Нартиада так или иначе «живет» в современной жизни, пусть не естественной, но особенной «специфической» жизнью. Возможно, что в условиях постиндустриальной информационной культуры такая форма жизни так же естественна, как и сама жизнь. Тем не менее, нельзя думать, что традиционное существование нартских сказаний напрочь «вычищено» из культуры.

Многие тексты нартского эпоса были записаны почти в самом конце XX века. Знаменитые адыгские сказители жили в аулах Адыгеи и Причерноморской Шапсугии. Надо подчеркнуть, что это были истинно традиционные носители эпоса, не знавшие письменных текстов, многое, что удалось записать от них, транслировалось исключительно устным путем. И хотя число знатоков нартского эпоса к концу XX века резко сократилось, но оставались его пассивные носители. При необходимости они генерировали утраченную информацию, зачастую сами удивляясь тому, что сохранил их мозг, что можно было вызвать из собственной памяти. Приведу пример, известный мне из рассказа Эдуарда Алексеева и проверенный затем у героини истории.

В середине 70-х годов XX века Э. Алексеев приехал в аул Красно-Александровский (Ляготх) Лазаревского района Краснодарского края, чтобы запи-

сать нартские сказания от известного сказателя Кадырбеча Тлифа. Оказалось, что старик умер, а в доме жила семья его дочери. Кадырхан Коблева, дочь Тлифа, отказалась петь какие-либо песни, пояснив собирателям, что в адыгской традиции женщины не поют нартские песни, она их никогда не пела, текстов не знает и вряд ли чем-то будет полезна гостям из Москвы. Э. Алексеев настаивал, что она, как дочь великого сказителя, не могла не слышать песен отца, поэтому обязана вспомнить и напеть эти песни. Этномузыколог оставил у Кадырхан увесистый блокнот, наказав записывать туда все, что она запомнит, и обещал вернуться через два месяца, чтобы забрать записанные тексты. Со слов К. Коблевой, она очень сердилась на незваного москвича. Он заставил ее переживать и волноваться. Днем, занятая работой, она немного успокаивалась, а вечером никак не могла уснуть, вспоминала отца, многочисленных гостей его хачеца (гостевой комнаты), куда заходили каждый вечер аульчане и изредка наезжали ученые из Адыгеи, Кабарды, Москвы. В памяти всплывали не только лица, но и строчки из песен, разные истории, связанные с их содержанием и легендами. Она не могла уснуть, пока не освободилась от этих воспоминаний, переложив их на бумагу. Так продолжалось все время до возвращения Э. Алексеева в аул. Увидев москвича, Кадырхан нетерпеливо вручила ему блокнот, исписанный до последней страницы, чтобы успокоить себя и доставить радость неумемному ученому. Понятно, что пассивная память многих людей, соприкасавшихся с традиционными исполнителями, сохраняет важную для культуры информацию, способную «раскрыться» при определенных условиях.

Важнейшую роль в процессах возрождения эпического наследия, на наш взгляд, играют ученые-нартоведы и их практическая деятельность. Фактически они также являются носителями культуры, и через их сборники, статьи, публич-

ные выступления в средствах массовой информации происходит трансляция знания, которое в удобный момент из пассивного состояния переходит в активное.

Таким образом, общество формирует и поддерживает целый комплекс форм и средств для сохранения Нартиады как важного культурного стержня этноса. Основными механизмами и формами поддержания нартского эпоса в современном обществе являются:

- научный (форумы, конференции, круглые столы, симпозиумы, научные труды, издания текстов);

- организационно-методический (отделы научных институтов, специальные методические издания, организация фестивалей, конкурсов);

- художественный (монументальная мозаика, витражи, живопись, графика, книжная графика, панно, другие виды декоративно-прикладного искусства);

- литературно-художественный (стихи, проза, сценарии спектаклей, театрально-массовых мероприятий и проч.);

- музыкально-хореографический (профессиональные и самодеятельные ансамбли, исполняющие нартские песни, отдельные номера в репертуаре танцевальных ансамблей, эстрадное исполнительство);

- образовательно-воспитательный (детская книжная продукция, внеклассные мероприятия, блок национально-регионального компонента в учебном процессе);

- маркетинговый (названия учреждений, кафе, издательств, продукции);

- имиджевый (формирование имид-

жа и поддержание имиджа героев нартского эпоса через СМИ, торговые марки и проч.);

- ономастический (антропонимика, маркетинговый ономастикон).

Опыт показывает, что в последние годы песенные версии нартского эпоса осваивает молодежь республик Северного Кавказа, причем не в принудительно-организованном порядке, а по велению сердца, на пике патриотических настроений, при высокой эстетической наполненности песнетворчества и инструментального исполнительства. Это проявляется не только в количестве участников различных фестивалей и конкурсов, но и в практике семейно-родовых праздников и ритуалов, молодежных посиделок и гостевых приемов. В Адыгее вполне ожидаемыми и желанными на обычных свадьбах становятся «песенные циклы», когда специально приглашенные молодые люди под аккомпанемент шычепщина исполняют нартские и исторические песни. Энергетика нартских сказаний, огромный багаж тем и образов, существующих в них, определенная глубина и многозначность смыслов, открывающихся не сразу, постепенно и не для всех, требующих внимательного и чуткого постижения, – все это всегда будет привлекать думающих и пытливых людей. В этом смысле у Нартиады, на наш взгляд, начинается новая жизнь, которая, с одной стороны, может регулироваться, а с другой – существует по особым, своим законам. Так или иначе, в современной жизни, например, адыгов и всей многонациональной Адыгеи Нартиада присутствует как факт культуры и в какой-то мере – как ее регулятор.

Примечания:

1. Джуртубаев М.Ч. Происхождение нартского эпоса. Нальчик: Тетраграф, 2013. 1058 с.
2. Абаев В.М. Нартовский эпос осетин. Цхинвали, 1982.
3. Нартхэр. Нарты. Адыгский эпос: в 7 т. / систематизация, сост., вступ. очерк и коммент. А.М. Гадагатля. Майкоп, 1968-1971.
4. Sokolova A., Chundishko N. Şeşen Dansinin kökeni ve araştırması // Nart. 2010. № 71. P. 29-31.

5. Гутов А.М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 217 с.
6. Кук А.С. Иныж в образе «культурного героя» и эпического существа в эпосе «Нартхэр» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2014. Вып. 2 (140). С. 230-235.
7. Нарты. Адыгский эпос. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко / под общ. ред. А.М. Гутова. Нальчик: Тетраграф, 2012. 423 с.

References:

1. Dzhurtubaev M.Ch. The origin of the Narts' epic. Nalchik: Tetrograf, 2013. 1058 pp.
2. Abaev V.M. The Narts' epic of the Ossetians. Tskhinvali, 1982.
3. The Narts. The Adyghe epic: in 7 v. / systematization, comp., introducton and comments by A.M. Gadagatl. Maikop, 1968-1971.
4. Sokolova A., Chundishko N. Şeşen Dansinin kökeni ve araştırması // Nart. 2010. № 71. P. 29-31.
5. Gutov A.M. Literary style traditions of the Adyghe epic. Nalchik: El Fa, 2000. 217 pp.
6. Kuyek A.S. Inyzh as an image of «the cultural hero» and an epic creature in the Narts' epic // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2014. Issue 2 (140). P. 230-235.
7. The Narts. The Adyghe epic. V. 1. Early cycles of the epic. Sosruko / general ed. by A.M. Gutov. Nalchik: Tetragraf, 2012. 423 pp.